

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

EDN: LASUTT

Научная статья / Research Article

Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство

А.П. Анисимов , Ю.И. Исакова , Г.С. Працко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 anisimovap@mail.ru

Аннотация. Концепция антропоцена означает намного больше, чем просто новое понимание окружающей среды, восприятие ее как сложной, нестабильной и динамичной совокупности экосистем Земли, к чему должны адаптироваться правовая наука и практика. Она призывает к изменению подхода к самой категории «человек» и отношениям между ним и другими элементами живой и неживой природы, которые до сих пор мало исследовались в современной правовой науке. Поэтому для юриспруденции концепция антропоцена является катализатором изменений, заставляет выйти за рамки традиционных подходов и задуматься о глобальной системе права, адекватной планетарному масштабу современных проблем. Для будущего экологического права значение антропоцена состоит в следующем. Во-первых, он задает научно обоснованный императив: законодательство должно исходить из реальности, что человеческая деятельность способна уничтожить основы жизни на Земле. Это означает, что идеи предотвращения вреда и устойчивости должны стать не просто декларациями, а центральными принципами и нормами права – от муниципального и национального до международного. Во-вторых, антропоцен стимулирует инновации в праве: появляются новые правовые категории (экоцид, права природы, климатические беженцы и др.), формируются гибридные режимы правового регулирования (например, объединяющие экологическое и энергетическое право в целях декарбонизации экономики). Для экологической политики России учет концепции антропоцена открывает возможности повысить эффективность и дальновидность принимаемых решений. Признав себя частью глобального мира, Россия сможет активнее участвовать в формировании международных экологических правил, внести в них свой научный и практический вклад. Внутренняя политика, опирающаяся на понимание факторов антропоцена, сможет стать более сбалансированной: вместо реагирования на случившиеся аварии и правонарушения она будет предотвращать системные кризисы (как климатические, так и социально-экологические).

© Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: климат, экосистема, парниковые газы, биосфера, биологическое разнообразие, планета, права Природы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Анисимов А.П. – введение, общая концепция, разделы 4–5 и заключение; Исакова Ю.И. – анализ и научная проработка материалов (разделы 1–2); Працко Г.С. – анализ и научная проработка материалов, итоговое редактирование (разделы 3, 6). Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 25 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 819–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation

Aleksey P. Anisimov^{}✉, Yulia I. Isakova^{}, Gennady S. Pratsko^{}

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ anisimovap@mail.ru

Abstract. The concept of anthropocene, which refers to a new geological epoch characterized by significant human impact of Earth's ecosystems, represents much more than a new understanding of the environment as a complex, dynamic set of Earth's ecosystems. It calls for a fundamental change in how legal science and practice conceptualize the relationship between humans and nature. The antropoce demands a shift in the category of man and their relationship with living and inanimate natural elements, which have been little studied in modern legal science. As a result, the concept of anthropocene acts as a catalyst for legal transformation, pushing it beyond traditional approaches towards the development of a global legal system adequate to the planetary scale of current evological challenges. For environmental law, anthropocene imposes a scientifically grounded imperative: legislation must acknowledge that human activity can destroy the foundations of life on Earth. Principles like harm prevention and sustainability should become central norms at municipal, national, and international levels. It also stimulates innovation in legal categories such as ecocide, nature rights, climate refugees and fosters hybrid legal regimes, for instance, integrating environmental law with energy law to decarbonize the economy. Recognizing antropocene enables countries like Russia to participate actively in shaping international ecological rules and to contribute scientifically and practically. An internal policy informed by anthropocene factors can also shift from reactive responses to proactive prevention of systemic climate and socio-ecological crises.

Key words: climate, ecosystem, greenhouse gases, biosphere, biological diversity, planet, nature rights

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors contributions are as follows: Anisimov A.P. was responsible for the introduction, general concept, sections 4-5, and the conclusion; Isakova Yu.I. conducted the analysis and scientific elaboration of materials for sections 1-2; Pratsko G.S. contributed to the analysis, scientific elaboration of materials, and final editing for sections 3 and 6. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 25th March 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Anisimov, A.P., Isakova, Y.I., Pratsko, G.S. (2025) The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 819–836. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

Введение

Антропоцен – широко обсуждаемый в мировой науке термин для обозначения новой геологической эпохи, в которой человеческая деятельность стала главной движущей силой изменений на планете. Данная концепция была выдвинута биологом Юджином Стормером и затем популяризирована нидерландским химиком Паулем Крутценом еще в начале 2000-х гг. (Paola & Jamieson, 2018:371).

Суть концепции состоит в том, что после относительно стабильного голоцена (последние 12 тысяч лет) Земля вступила в период масштабных антропогенных изменений: ускоренный рост концентрации парниковых газов вызывает глобальное потепление и климатические аномалии, массовое уничтожение биологических видов приводит к утрате биоразнообразия (Wyborn et al., 2021), а промышленная и сельскохозяйственная деятельность радикально преобразуют ландшафты. Многие ученые полагают, что человечество превратилось в «геологическую силу», влияющую на планетарные процессы на уровне, сопоставимом с природными силами¹. Отдельно учеными обсуждается точная граница начала антропоцена, в диапазоне дат начиная с 1610 г. (или, что намного чаще, с конца XVIII в., старта промышленной революции после изобретения паровой машины) и заканчивая серединой XX в. (Dukes, 2015), когда в результате научно-технического прогресса в развитых странах мира начал фиксироваться резкий рост потребления, выбросов, а в геологических слоях появились новые маркеры – от радиоактивных изотопов испытаний ядерного оружия до частиц пластика.

Современные ученые обращают внимание на разные аспекты антропоцена, включая влияние технологического прогресса в XIX–XX в. на колониализм и проблемы социальной несправедливости (Hornborg, 2019), необходимость усиления корпоративной экологической ответственности (Seck, 2021), обязательность поиска компромисса странами Севера и Юга и совместных действий по смягчению последствий надвигающейся экологической катастрофы (Gonzalez, 2015:409), о взаимосвязи антропогенной деятельности и стихийных бедствий (Stoa, 2015), а авторы концепции нового материализма считают, что суждение о том, будто люди являются исключительными в силу фактора воли, ложно (Benson, 2019:259).

На наш взгляд, общим в большинстве научных исследований является признание того факта, что в последние десятилетия резко возросло воздействие людей на геосферу и биосферу. Уже собрано достаточно доказательств того, что с середины XX в. многие показатели развития человечества (население, экономика, потребление ресурсов) и связанные с ними нагрузки на окружающую среду возросли экспоненциально. Это ускорение после Второй мировой войны привело к выходу ряда природных параметров за пределы, характерные для голоцена.

¹ Иссбернер Л.-Р., Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы // Курьер ЮНЕСКО. 2018. 30 марта.

Ученые фиксируют существенные антропогенные последствия в планетарных процессах: например, концентрация CO₂ сейчас значительно выше доиндустриального уровня, океаны закисляются, азотный цикл и круговорот фосфора радикально изменены за счет удобрений, темпы исчезновения видов выросли на порядки (Biber, 2017). Эти факторы уже отражаются в осадочных породах (слои с примесями промышленного сажи, углерода, пестицидов, алюминия, бетона и пластика), что позволяет стратиграфически обосновать новый период.

На фоне этих научных данных группа специалистов по стратиграфии (AWG, Anthropocene Working Group) предложила официально признать антропоцен новой геологической эпохой. И хотя Комиссия по стратиграфии пока не утвердила это предложение (в 2024 г. было решено не включать антропоцен в официальную геохронологическую шкалу), в научном сообществе сам факт беспрецедентного влияния людей на экологические системы Земли практически не оспаривается.

Эколого-правовая доктрина в эпоху антропоцена

Концепция антропоцена одновременно вдохновляет на переосмысление отношений человека с природой и вызывает споры о том, как интерпретировать ответственность за наступивший экологический кризис, какие социально-политические и правовые меры должны быть приняты. Осознание жизни в эпоху антропоцена влечет пересмотр фундаментальных принципов экологического права.

Традиционно международное и национальное экологическое право строилось вокруг идеи охраны природы в интересах человека (антропоцентризм) либо делало акцент на охране ее отдельных компонентов (земля, вода, леса, воздух). Напротив, концепция антропоцена подчеркивает целостность всей земной экосистемы и взаимозависимость глобальных процессов, что стимулирует появление интегрированных, междисциплинарных правовых подходов. С каждым годом появляется все больше идей реформировать экологическое право, чтобы оно стало способно учитывать планетарные границы и поддерживать устойчивость биосферы. В науке экологического права обсуждаются новые принципы: принцип уважения пределов экосистем (учет предельной нагрузки на климат, биосферу), принцип межпоколенческой ответственности (обязательства перед будущими поколениями в условиях изменений климата (Morris, 2013)), а также переход от сугубо антропоцентричной идеологии к экоцентричной (признание самоценности природы). Концепция прав Природы – наделение экосистем или видов субъективными правами – получила развитие именно на фоне осмысления антропоцена. Так, в 2008 г. Эквадор впервые закрепил в Конституции права природы, признавая экосистемы субъектом охраны, а не просто природным ресурсом. Аналогичным образом другие страны (Боливия, Новая Зеландия, Индия) последовали этой тенденции, придавая рекам, лесам или животным особый правовой статус. В Колумбии судебное решение T-622/1618 (2016 г.) вошло в историю после признания реки Аtrato субъектом права (Alvez-Marín et al., 2021:164–165).

Это явный сдвиг парадигмы: закон начинает рассматривать человека как часть экосистемы, сосуществующую с другими элементами Земли, а не как «венец творения». Законодательные решения ряда стран Азии и Латинской Америки, основанные на традиционных воззрениях их коренных народов, получили поддержку в ООН. Сегодня ООН активно продвигает концепцию «прав Земли» (планетоцентричного права, прав Природы), призывающую к переосмыслению всей системы международного и национального экологического права с учетом новой

реальности². Исследователи предлагают и другие идеи, включая глобальную экологическую конституцию, устанавливающую единые обязанности государств по сохранению устойчивости Земли³. В академической среде звучат призывы адаптировать существующие правовые институты к вызовам антропоцена и создать новые механизмы – например, признать экоцид международным преступлением наряду с геноцидом и преступлениями против человечности (Hamilton, 2024) или расширить возможность для участия общественности в управлении окружающей средой, в целях формирования нового коллективного будущего (MacLean, 2017:282). Все это свидетельствует о появлении и развитии новой парадигмы экологического права, более широкого по охвату и тесно связанного с науками о Земле.

Воздействие на правоприменение и судебную практику

В эпоху антропоцена судебные органы и правоприменители все чаще сталкиваются с беспрецедентными экологическими проблемами, требующими обновления экологического законодательства. Суды разных стран начинают учитывать научные свидетельства глобального потепления и других антропогенных изменений при вынесении решений. Знаковым событием стала «климатическая» судебная практика. Например, суд в Нидерландах по делу Urgenda обязал правительство усилить сокращение выбросов парниковых газов, признав, что бездействие перед лицом климатической угрозы нарушает обязанность государства защищать своих граждан⁴. Этот случай – первый в мире, где суд напрямую предписал государству экологическую меру (сокращение выбросов) исходя не из конкретного закона, а из общей обязанности предотвращать катастрофические последствия изменения климата для людей. Вслед за этим решения о климатических обязательствах государства приняли и другие страны (Германия, Франция, Пакистан), формируя новую практику «стратегических климатических исков».

Правоприменительные органы все чаще начинают использовать принцип предосторожности: даже при отсутствии полной научной определенности по поводу масштабов угроз (например, точки невозврата при изменении климата), органы власти стараются действовать на опережение. В целом можно отметить, что в антропоцене меняется баланс интересов в праве: приоритет здоровья экосистем и долгосрочной безопасности общества начинает перевешивать краткосрочные экономические выгоды конкретных субъектов. Кроме климатической сферы, такие сдвиги происходят в области охраны биоразнообразия (суды блокируют проекты, грозящие массовым исчезновением видов), ответственности за загрязнение (рост число исков против корпораций за причиненный ущерб природе) и т.д.

Правоприменение становится более научно обоснованным: судьи и иные правоприменители начинают опираться на климатологические и экологические данные, работают со сложными моделями рисков. Это стимулирует развитие новых инструментов: расчет «углеродного следа» и климатических рисков проектов стал частью

² Report of the Secretary-General «Harmony with Nature» dated July 26, 2019. Режим доступа: <https://docs.un.org/en/A/74/236> (дата обращения 14.03.2025).

³ Кодификация и прогрессивное развитие международного экологического права. Режим доступа: https://studme.org/85523/pravo/kodifikatsiya_progressivnoe_razvitie_mezhdunarodnogo_ekologicheskogo_prava (дата обращения 14.03.2025).

⁴ Urgenda Foundation v. State of the Netherlands (2015). Режим доступа: <https://climatecasechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/#:~:text=A%20Dutch%20environmental%20group%2C%20the,%E2%80%9D%20In%20reaching%20this> (дата обращения 14.03.2025).

экологической экспертизы и/или лицензирования во многих юрисдикциях. Адаптируется к новой реальности и уголовное право: увеличивается число составов экологических преступлений, многие страны ввели уголовные наказания за причинение существенного вреда атмосфере, океану и экосистемам. Таким образом, практика применения права постепенно смещается в сторону превентивной и ответственной модели, соответствующей вызовам антропоцена.

Изменения в эколого-правовом образовании и науке

Концепция антропоцена вызвала оживление научных исследований на стыке экологии, права, социальных наук. Возникло новое междисциплинарное направление, которое можно назвать «право в антропоцене», объединяющее юристов, экологов, географов и философов. Появление такого направления для исследований является частью более широкой научной дискуссии о дифференциации юридической профессии, включая обсуждение необходимости подготовки юристов-норморайтеров, которые будут заниматься правотворчеством. Не менее важным является углубленная подготовка юристов-международников (Vlasenko & Novikova, 2019:347). Составной частью последнего направления должно стать углубленное изучение вопросов экологического права. Уже сейчас многие университеты РФ вводят курсы, посвященные глобальным экологическим изменениям, а также правовым ответам на них (например, климатическое право, международное экологическое право, право устойчивого развития, зеленая экономика и т.д.)⁵.

В образовательных программах по экологическому праву все больше внимания уделяется не только национальным природоохранным нормам, но и глобальным проблемам: изменению климата, истощению ресурсов, трансграничному загрязнению, климатической миграции, загрязнению океана пластиком. Студенты юридических факультетов изучают международные акты (Парижское соглашение по климату 2015 г.), решения конституционных судов по защите экологических прав, усиливается акцент на естественнонаучной грамотности юристов – понимании основ климатологии и экологии, чтобы эффективно применять право.

В научных исследованиях активно осмысливается, как право может содействовать адаптации к изменениям климата и смягчению рисков. Например, разрабатываются правовые модели для управления углеродными поглотителями (лесами, океанами), механизмы компенсации «утерянных» экосистемных услуг, анализируются вопросы геоинженерии с правовой и этической точек зрения.

Международные организации (ООН, Международный союз охраны природы и др.) проводят конференции и публикуют доклады о необходимых реформах права в современных условиях. Однако гуманитарным и социальным наукам (включая право) еще предстоит создать новые знания и инструменты, чтобы ответить на вызовы новой эпохи – климатические катастрофы, ресурсные кризисы и др. Таким образом, концепция антропоцена стимулирует обновление образования и науки, формируя новое поколение юристов-экологов, готовых работать с планетарными экологическими проблемами и учитывать экосистемные связи.

⁵ Например, в РУДН на кафедре международного права читается дисциплина «Экология, климат, энергетика: международно-правовое регулирование». Режим доступа: https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Ekologiya_klimat_energetika_meghdunarodno-pravovoe_regulirovanie_YUYURmd01r_2021.pdf (дата обращения 14.03.2025).

Антропоцен и российское экологическое законодательство

Влияние идеи антропоцена на правовую систему России проявляется постепенно, по мере осознания глобальных экологических рисков. Российское экологическое законодательство исторически фокусировалось на охране окружающей среды от локальных загрязнений и рациональном использовании природных ресурсов. Однако новые вызовы – изменение климата, деградация экосистем, стихийные бедствия – требуют обновления нормативной базы. Влияние человека и антропогенной деятельности на глобальную экосистему становится все более заметным. Последствия глобального потепления для экосистем Земли, включая таяние ледников или экстремальные погодные явления (цунами, ураганы и засухи) резко усиливаются, что становится скорее правилом, чем исключением (то есть это уже не просто единичные случаи). Изменение климата влияет не только на окружающую среду, но и на социальные аспекты, включая материальные условия жизни людей (Farah & Giudice, 2023:11). В последние годы Россия сделала несколько шагов по признанию этого, начав с ратификации в 1994 г. Рамочной конвенции об изменении климата (1992). В 2019 г. Россия присоединилась к Парижскому соглашению по климату 2015 г., тем самым признав необходимость своего участия в международном сотрудничестве по ограничению выбросов парниковых газов. В 2020 г. Президент РФ своим указом предписал обеспечить к 2030 г. сокращение выбросов в атмосферу до 70 % относительно уровня 1990 г. с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации⁶. В Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» было включено несколько новых эколого-правовых конструкций, включая «климатические проекты», «обращение и зачет углеродных единиц», «реестр углеродных единиц», неизвестных российскому праву ранее. Этот закон стал первым шагом к углеродному регулированию в России. И хотя он не устанавливает жестких квот на выбросы, уже само создание системы их учета станет необходимой предпосылкой для последующего введения лимитов и торговли квотами. В 2022 г. начался эксперимент по торговле углеродными единицами на Сахалине, что свидетельствует о готовности применять рыночные механизмы регулирования, успешно используемые за рубежом⁷.

Однако этого недостаточно. Необходимы изменения в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и иные акты, которые могли бы развивать климатическую повестку, в том числе предусматривать обязательное оценивание углеродного следа проектов, стимулировать энергосбережение, закрепить цели по сокращению выбросов на национальном уровне. Помимо климата, в эпоху антропоцена актуализируется и вопрос сохранения биоразнообразия: в России требуются изменения в законодательство о красной книге, охоте и рыболовстве, усиление ответственности в случае причинения вреда особо охраняемым природным территориям. Необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «углеродная нейтральность», усилить акцент на необходимости низкоуглеродных решений. В российских стратегических документах последних лет растет количество

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения 14.03.2025).

⁷ Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 14.03.2025).

концепций, созвучных идее антропоцена. Например, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176) прямо указывает на угрозы, связанные с глобальными изменениями климата, и ставит цель предотвращать катастрофические необратимые изменения в окружающей среде.

Фактически этот документ ориентирует правовое регулирование на достижение целей устойчивого развития ООН – то есть сохранение планеты от деградации, рациональное потребление и борьбу с изменением климата в интересах настоящего и будущих поколений. Это свидетельствует о том, что при разработке нормативных актов РФ все больше учитываются глобальные антропогенные факторы, а не только локальные экологические проблемы. В практике нормотворчества проявляется тенденция интеграции климатических рисков: в государственных программах развития отраслей экономики (сельское хозяйство, энергетика, строительство) постепенно начинают учитываться сценарии изменений климата. При утверждении крупных инфраструктурных проектов все более значимым становится проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) с учетом долгосрочных климатических эффектов, включая выбросы парниковых газов за жизненный цикл проекта и его уязвимости к экстремальным погодным явлениям.

Хотя пока требования по учету этих факторов прописаны неявно и разрозненно, тренд на их усиление очевиден. Еще один аспект – эоцентричные факторы в праве, то есть смещение фокуса с охраны природы ради человека к учету интересов самой природы. В России нет норм о правах экосистем, но обсуждается идея о необходимости развития экосистемного подхода в законодательстве, например, при создании особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Дело в том, что создание ООПТ может производиться как путем придания особого правового режима отдельным территориям (точечно и бессистемно, как сейчас, с включением в состав гигантских по площади ООПТ сельских поселений, дорог, пастбищ, сельскохозяйственных угодий и иных антропогенных объектов), так и с использованием экосистемного подхода, позволяющего учесть экологическую ситуацию на прилегающих к ООПТ территориях, а также состояние окружающей среды в соседних странах, поскольку экосистемы Земли никак не зависят от проведенных людьми государственных границ. Последнее направление получило название «национальная экологическая сеть». Многочисленные исследования говорят о том, что изолированные ООПТ со временем теряют биологическое разнообразие и не смогут обеспечивать сохранение природы в перспективе (Semenyuk, 2015). И только создание системы специальных экологических коридоров может ликвидировать островной эффект, обеспечить взаимную поддержку популяций и генетический обмен между разделенными в результате деятельности человека биоценозами, позволяя сохранить биоразнообразие в долгосрочной перспективе. В России это пока только теория, но в Республике Беларусь уже есть не только нормотворческие, но и практические результаты⁸.

Другой вариант экосистемного подхода изложен в Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях 1971 г. Он состоит в том, что охранять предполагается не воду и водоплавающих птиц (по отдельности), а в целом всю экосистему. Россия как

⁸ См.: ст. ст. 81–82 Закона Республики Беларусь от 17.07.2023 № 294-З «Об охране окружающей среды». Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300294> (дата обращения 14.03.2025).

правопреемник СССР является участником Рамсарской конвенции, и меры по охране водно-болотных угодий включены в ряд нормативных актов⁹.

Постепенно концепция антропоцена обусловит корректировку и появление новых государственных программ в сфере экологии. Уже сейчас на федеральном уровне реализуется национальный проект «Экология» (с 2019 г.), включающий мероприятия по уменьшению загрязнения воздуха и воды, утилизации отходов, сохранению лесов и водных объектов. И хотя он напрямую не оперирует термином «антропоцен», его возникновение продиктовано осознанием, что традиционные способы хозяйствования привели к критической ситуации, требующей срочных мер. Отдельно разрабатываются климатические программы: утверждаются планы мероприятий по адаптации к изменениям климата, определяющие действия по снижению экологической уязвимости экономики и населения (защита населенных пунктов от паводков, лесов от пожаров, развитие засухоустойчивого сельского хозяйства и т.д.)¹⁰. Утверждена стратегия низкоуглеродного развития России до 2050 г., а ее цель – адаптация к глобальному энергетическому переходу экономики России, критически зависящей от экспорта традиционных энергоносителей, сокращение выбросов парниковых газов и достижение углеродной нейтральности не позднее 2050 г.¹¹ Россия участвует в ряде международных климатических инициатив, в результате чего заявлена цель достижения углеродной нейтральности не позднее 2060 г., что требует соответствующей трансформации энергетической и экологической политики¹².

Таким образом, экоцентричный подход влечет понимание того, что законодательство должно учитывать трансграничное воздействие, в том числе загрязнение рек, текущих в соседние страны, ограничивать выбросы парниковых газов, включая запрет на сжигание попутного газа, из-за которого образуются выбросы CO₂ и т.д. Постепенно формируется подход, при котором антропогенная нагрузка рассматривается комплексно: и как вопрос экологии, и как фактор экономики, здравоохранения, национальной безопасности. Государственные программы по лесовосстановлению, борьбе с опустыниванием в южных регионах, сохранению Арктики обосновываются необходимостью реагировать на вызовы новой эпохи антропоцена (рост температуры, таяние вечной мерзлоты, смещение климатических зон). Влияние концепции антропоцена прослеживается и в реформировании системы мониторинга: создается единая государственная система наблюдения за парниковыми газами, разработана методология учета поглощения CO₂ лесами – это все новые элементы, продиктованные новыми экологическими угрозами. Из этого следует, что хотя термин «антропоцен» не фигурирует в названиях российских экологических программ или законов, его содержание, связанное с признанием решающей роли человечества в

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 13.09.1994 № 1050 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г.» // СПС «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 г.» // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹² Цель достичь углеродной нейтральности не позднее 2060 г. зафиксирована в Указе Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 14.03.2025).

изменении окружающей среды, постепенно проникает в цели и задачи государственной экологической политики России.

Международное регулирование и экологическое право России

Наступление эпохи антропоцена означает, что деятельность человека изменила все природные объекты и экосистемы от верхних слоев атмосферы до морских глубин. Антропоцен в этом смысле – это время, когда больше не существует прежнего понимания «природы», которая была бы отделена от человека и существовала бы сама по себе. Весь мир – это единое целое, совместный продукт деятельности человека и лежащего в ее основе нечеловеческого феномена, смешанных в таких масштабах, что их уже невозможно разделить (Purdy, 2016:1637).

Между тем существующая система международного экологического права является не очень эффективной в эпоху антропоцена. Главная причина этого заключается в том, что международное экологическое право (МЭП) акцентирует основное внимание на локальных экологических проблемах (охране отдельных природных объектов, имеющих международное значение), слабо практикуя экосистемный подход, из-за чего принимаемые международно-правовые акты носят фрагментарный характер, а иногда и противоречат друг другу. Вопрос об экологической целостности экосистем всей Земли и системных мерах по их охране должен стать основой МЭП с разработкой мер по передаче части государственного суверенитета координирующим органам (например, ООН). Это необходимо потому, что на внутригосударственном уровне можно эффективно решить множество самых разных вопросов (организовать эффективную избирательную систему, развивать качественное образование и др.), однако охранять окружающую среду отдельно взятой страны, руководствуясь собственными планами и без координации своих усилий хотя бы с соседними странами, бессмысленно.

Другой вопрос – какие именно международные договоры следует принимать, какие обязательства Россия или любая другая страна должны принимать на себя, насколько эти обязательства соответствуют национальным интересам. В этом смысле опасения, что под флагом «исключительной ситуации антропоцена» продвигаются идеи отказа от национального суверенитета и навязывания внешних ограничений¹³, необоснованны. Поиск баланса национального и наднационального в охране природы – это и есть главный вызов эпохи антропоцена. Если его найти не удастся, то история человечества закончится. В настоящий момент МЭП достигло определенного уровня согласованности благодаря включению общих принципов в различные правовые документы, однако его основная система ценностей остается слабой и расплывчатой. Общая цель должна заключаться в согласовании минимальных экологических стандартов, которые необходимы для защиты экосистем всей планеты. Это должно стать высшей нормой, определяющей приоритетность экологических проблем планеты, которой должны соответствовать все другие международные правила и принципы (Kim & Bosselmann, 2013). Необходимо заметить, что во многих странах это понимание ситуации уже наступило. Так, ЕС утвердил курс на климатическую нейтральность к 2050 г., а принимаемые в странах ЕС законы закрепляют промежуточные цели по сокращению выбросов к 2030 г. и механизмы отчетности. Это отражает понимание, что для предотвращения опасных изменений

¹³ Николаев Н. Антропоцен теперь не эпоха, но событие, которое может продлиться миллионы лет // Парламентская газета. 2024. 23 марта.

климата нужна юридически обязательная долгосрочная стратегия. В ряде стран (Германия, Великобритания, Франция) такие законы дополнены созданием независимых климатических советов, которые следят за достижением целей и консультируют правительства – инновационный институт, появившийся как ответ на вызовы эпохи антропоцена.

Страны Латинской Америки (Эквадор, Боливия, Чили) пошли по пути экологического конституционализма: провозгласили права природы, права будущих поколений, формируя ценностную базу для экологического права, где природа – не просто объект, а носитель интересов. Азиатско-Тихоокеанские страны экспериментируют с правовыми формами управления рисками катастроф: например, Япония и Австралия усилили законодательство об адаптации к климатическим изменениям после серии экстремальных погодных явлений (тайфунов, пожаров). Международные организации также развивают инициативы, соответствующие глобальным экологическим вызовам эпохи антропоцена: ООН обсуждает возможность признания экоцида международным преступлением; в 2022 г. Генеральная ассамблея ООН признала право на благоприятную окружающую среду одним из фундаментальных прав человека – это сигнал всем государствам интегрировать высокие экологические стандарты в национальное право¹⁴. Таким образом, мы видим четкий общемировой тренд – движение к более строгому, всеобъемлющему экологическому регулированию, основанному на научных данных и ориентированному на долгосрочную экологическую устойчивость планеты.

Целесообразность заимствования иностранного опыта в России

Экологическое законодательство в России традиционно развивается эволюционно, а не революционно: любые новеллы вводятся постепенно, после апробации. Поэтому успешный зарубежный опыт тщательно изучается и в той части, которая отвечает национальным интересам, адаптируется под российскую специфику, становясь нормами российского права. Например, обсуждается адаптация европейских механизмов «платы за углерод»: в ЕС планируется введение углеродного пограничного налога, и чтобы избежать потерь для экспортеров, России может быть выгодно внедрить собственную систему торговли квотами по аналогии с ЕС. В этом смысле правовой климатический эксперимент на Сахалине является шагом именно в эту сторону. Другой пример – оценка климатических рисков: международные финансовые институты требуют от компаний раскрывать информацию о влиянии климатических изменений на бизнес. Российский Центробанк уже рекомендовал банкам учитывать эти климатические риски¹⁵, что перекликается с глобальными мировыми стандартами. В сфере охраны окружающей среды Россия может заимствовать практику создания экологических коридоров (Беларусь) или развивать дальше экосистемный подход при постановке на учет и особой охране водно-болотных угодий (в рамках Рамсарской концепции).

Кроме того, заслуживает внимания опыт стран, схожих с Россией по природным условиям: например, Канада и страны Скандинавии активно развивают

¹⁴ Генассамблея ООН провозгласила доступ к чистой и здоровой окружающей среде универсальным правом человека. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1428532> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁵ Банк России разработал рекомендации финансовым организациям по учету климатических рисков. Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=17268> (дата обращения: 14.03.2025).

законодательство об Арктике и коренных народах в условиях изменения климата – эти модели могут быть полезны и для российской Арктической зоны.

С другой стороны, имеются и препятствия к прямому переносу зарубежных моделей. Различные концепции глобалистов по ограничению национального суверенитета неприемлемы для России, хотя важность международного экологического сотрудничества признается всеми ветвями власти. Более интересными представляются последние природоохранные достижения зарубежных стран в части развития технологий «зеленой» энергетики и связанные с ними нормативы (стандарты для ветроэнергетики и водородной энергетики), а также опыт судебной защиты экологических прав граждан. И хотя пока рано говорить о появлении эоцентричных судебных решений (российские суды еще не рассматривали исков, аналогичных делу *Urgenda*), внимание российских судов к экологическим проблемам увеличивается. Число обращений граждан в суды с исками о компенсации вреда от экологических аварий и катастроф (разливы нефти, загрязнение воздуха) с каждым годом растет. В целом, международный опыт служит для России не только примером, но и стимулом: чтобы не отстать технологически и экономически, нужно участвовать в общей эволюции норм экологического права.

Заимствование лучших моделей, от «зеленых» стандартов в промышленности до механизма общественного участия в принятии экологически значимых решений поможет модернизировать российскую правовую систему и сделать ее более устойчивой к вызовам антропоцена. При этом, определяя цели и задачи климатической и иной экологической политики страны, следует руководствоваться национальными интересами, а не зарубежной «модой» (одобрение Д. Байденом климатической повестки, выход Д. Трампа из всех климатических соглашений).

Российские национальные интересы включают сокращение климатических угроз, что закреплено в программных экологических документах нашей страны.

В условиях России можно выделить несколько ключевых направлений развития правовой доктрины и законодательства в дополнение к уже высказанным соображениям (в части формирования эоцентричного подхода в праве и развития климатического законодательства). В их числе можно выделить следующие.

1. Дальнейшее развитие в России концепции устойчивого развития. Как известно, данная концепция была сформулирована на нескольких конференциях ООН (Рио-де-Жанейро, 1992 и далее), и представляет собой акт мягкого международного права, то есть государства не обязаны ее использовать в практической юридической деятельности. Тем не менее, данная концепция все же отражена на уровне принципов во многих российских законах (Градостроительный кодекс, Лесной кодекс, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и т.д.).

Были разработаны критерии и индикаторы устойчивого использования некоторых природных ресурсов (лесов и животного мира). Новые задачи эпохи антропоцена обуславливают необходимость следующего шага в этом направлении, т.е. создания четких критериев и в целом механизма реализации принципа устойчивого развития в законодательстве. Примечательно, что большой вклад в понимание концепции устойчивого развития (не используя напрямую такой термин) внес Верховный Суд РФ, хотя Россия и не относится к странам англосаксонской правовой семьи (с их значением прецедентного права). Представляет интерес его позиция относительно стратегии поиска баланса экологических, экономических и социальных интересов российского государства и общества. В своих разъяснениях в отношении споров об ограничении, приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением экологического законодательства, Пленум Верховного Суда

РФ¹⁶ предложил весьма интересное толкование норм гражданского права (ст. 1065 ГК РФ) в духе концепции устойчивого развития. Пленум, в частности, указал (в п. 27), что, рассматривая дела о приостановлении (прекращении) экологически опасной деятельности, суду необходимо соблюдать баланс, с одной стороны, между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, и, с другой стороны, решением социально-экономических задач. При этом суду следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций (например, применительно к деятельности градообразующих предприятий, теплоэлектроцентралей, очистных сооружений), но и соразмерность последствий прекращения (приостановления, ограничения) деятельности тому ущербу окружающей среде, который может наступить как в случае продолжения данной деятельности, так и при ее прекращении.

Кроме того, Пленум Верховного Суда специально указал, что суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении промышленной или иной деятельности в случае, если ее приостановление (прекращение) противоречит общественным интересам. С одной стороны, такая правовая позиция высшего органа судебной власти означает сигнал законодателю о необходимости сформулировать четкие параметры оценочных категорий, которые были упомянуты Верховным Судом РФ (например, соразмерность последствий прекращения экологически опасной деятельности). С другой стороны, Верховный Суд РФ рассуждает в классической парадигме, разделяя человека (субъект) и природные объекты, тогда как в эпоху антропоцена такая грань должна постепенно стираться, что неизбежно должно привести к ужесточению природоохранных требований.

Принятие таких правовых решений, равно как и инвестиции в долгосрочную устойчивость меняющейся окружающей среды, в способность человечества реагировать на такие изменения, согласование этих новых задач должны стать необходимыми первыми шагами к обеспечению того, чтобы новые цели устойчивого развития получили шанс стать более достижимыми (Craig & Ruhl, 2019).

Необходима корректировка ЦУР и концепции устойчивого развития в целом, определение ее главной цели. Под ней предлагается понимать развитие, отвечающее потребностям настоящего времени при сохранении системы жизнеобеспечения Земли, от которой зависит благополучие нынешнего и будущих поколений. Это новое определение устойчивого развития как конечной цели, к достижению которой следует стремиться в рамках ЦУР (Lim et al., 2018), следует поддержать.

Первым шагом в направлении нового понимания взаимодействия человека и природы в эпоху антропоцена может стать принятие Глобального пакта об окружающей среде, который мог бы сделать защиту планетарных экологических систем фундаментом (а не одной стеной) нового здания устойчивого развития 2.0.

2. В эпоху антропоцена становится актуальной проблема охраны биологических видов, ввиду их вымирания от экологических последствий деятельности человека (Kotze et al., 2021:188). По экспертным оценкам, более 500 000 видов не имеют достаточной среды обитания для долгосрочного выживания и обречены на вымирание, если она не будет восстановлена (Hunter, 2020:4). Красные книги здесь не помогут, так как они борются с последствиями вымирания биологических видов, но не с причинами этого. На наш взгляд, можно предложить следующие правовые меры.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Во-первых, сокращение охоты на диких животных и вылова водных биоресурсов. Если первобытные люди охотились на них в целях своего выживания, то сейчас это развлечение, имеющее негативные последствия для экосистем. Во-вторых, фаунистическое законодательство достаточно подробно определяет правовой режим краснокнижных и охотничьих животных (Ivanova, 2023), уделяя мало внимания третьей разновидности объектов животного мира, фрагментарно упоминаемой в ст. 43 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (это насекомые, лягушки, ужи, ежи, некоторые виды водных животных и т.д.). Разработка специальных правовых мер по сохранению экосистем должна предполагать четкую регламентацию их использования и охраны.

В-третьих, сохранение и воспроизводство объектов животного мира во многом зависит от состояния их среды обитания. Это означает необходимость разработки мер охраны не только в отношении самих животных, но и биоценозов, где они обитают (регулирование вырубки лесов и водопользования с учетом интересов сохранения животных и растений; учет таких интересов при предоставлении участков под строительство промышленных, энергетических и иных объектов и т.д.). Этот подход реализован в Федеральном законе «О животном мире» лишь отчасти: в ст. 22 упоминаются меры по охране среды обитания объектов животного мира (сохранение среды обитания при ведении хозяйственной деятельности, путей миграции животных и др.). Однако все эти меры носят слишком общий характер. Реализация экосистемного подхода позволит смягчить угрозу вымирания животных, а также в условиях изменения климата потребует пересмотра отношения к инвазивным (пришлым) биологическим видам, которые будут перемещаться на новые места обитания по мере изменения климата, но не всегда следует давать этому процессу однозначную негативную оценку (Börk, 2018:173).

3. Противодействие новым экологическим угрозам в эпоху антропоцена требует и ряда новых инструментов, выходящих по большей части за рамки права. Во-первых, это цифровые технологии (Alekseeva & Filimonova, 2024). Эффективное использование новейших цифровых технологий позволит не только оперативно реагировать на новые экологические угрозы, но и разрабатывать меры по их предотвращению. При этом существуют и риски цифровизации, связанные с образованием цифровых отходов и их скоплением в развивающихся странах (Kunkel & Matthes, 2020), а также наличие рисков для здоровья граждан от новых сетей 5G. Во-вторых, в эпоху антропоцена увеличивается значение эколого-правовой культуры, образования, просвещения и воспитания (Bogolybov, 2021).

Формирование у людей экологически осознанного поведения, основанного на понимании взаимосвязи природы и общества, повышает вероятность добровольного соблюдения экологических требований. В свою очередь, укоренение этических экологических установок и моральных обязательств, связанных с ответственностью перед будущими поколениями и природой, будет способствовать профилактике экологических правонарушений. Для этого (среди прочего) необходимо обеспечение граждан полной и доступной экологической информацией, активное освещение экологических вопросов в СМИ, что поможет сформировать общественное мнение и держать в тонусе государственные структуры.

Заключение

Концепция антропоцена в ходе дискуссий последних лет уже доказала свою важность для переосмысления отношений общества и природы. Антропоцен нельзя

воспринимать просто как рост числа экологических проблем, которые можно решить увеличением уже имеющегося набора правовых средств. Вместо этого антропоцен требует фундаментального сдвига в общепринятых представлениях о роли человека и экономики в изменениях окружающей среды. Речь идет о необходимости трансформации текущего понимания окружающей среды в сторону ее восприятия как сложной, нестабильной и динамичной совокупности экосистем Земли, к которой должны адаптироваться и правовая мысль, и практика.

Антропоцен означает перестройку понимания самой категории «человек» и отношений между ним и другими элементами живой и неживой природы, которые до сих пор мало исследовались в современной правовой науке. Поэтому для юриспруденции концепция антропоцена будет являться катализатором изменений, заставляя выйти за рамки традиционных представлений и задуматься о глобальной системе права, адекватной планетарному масштабу экологических проблем. Для будущего экологического права значение антропоцена трудно переоценить. Во-первых, эта концепция дает научно обоснованный императив: законодательство должно исходить из реальности, что деятельность человека способна уничтожить основы жизни на Земле. Это означает, что принципы предостережения и устойчивого развития должны стать не просто декларациями, а центральными нормами права, от муниципального и национального до международного.

Во-вторых, антропоцен стимулирует инновации в праве: появляются новые правовые категории (экоцид, права природы, климатические беженцы и др.), формируются гибридные режимы правового регулирования (например, объединяющие экологическое и энергетическое право в целях декарбонизации экономики).

Для экологической политики России учет концепции антропоцена открывает возможность повысить эффективность и дальновидность принимаемых решений. Признавая себя частью глобального мира, Россия сможет активнее участвовать в формировании международных экологических правил, вносить в них свой научный и практический вклад. Внутренняя политика, опирающаяся на понимание факторов антропоцена, может стать более сбалансированной: вместо реагирования на отдельные аварии или правонарушения она сможет предотвращать системные кризисы (как климатические, так и социально-экологические). Интеграция этих идей потребует поиска баланса между экономическим развитием и экологическими запретами и ограничениями. Страны, которые первыми адаптируют национальные законы к новым условиям, получают преимущества – технологические, репутационные, и просто более здоровую среду обитания для своих граждан. Концепция антропоцена играет роль ориентира для будущего: она напоминает, что юридические решения, принятые сегодня, прямо влияют на мир, в котором будут жить последующие поколения. Для России осмысленное понимание и применение этого ориентира будет означать переход к более устойчивой, безопасной и ответственной экологической политике, соответствующей масштабам новой эпохи, где человек несет ответственность за всю планету. Однако для этого необходимо отказаться от права человека господствовать над Природой, и перейти от антропоцентричной к экоцентричной этике, праву и философии.

Первый такой шаг был предпринят в ряде стран Латинской Америки (Эквадор, Боливия), а также в некоторых других государствах мира (Новая Зеландия). Предлагаемый ими экоцентричный стандарт, связанный с наделением Природы рядом субъективных прав, невозможно осмыслить в категориях нормативизма, однако предложенная в этих странах идея учета всех экосистемных связей, восприятие Природы как живого существа, требующего совершенно другого отношения к себе со стороны

человека, само восприятие последнего как части Природы вполне может быть вос-
требованно в национальных юрисдикциях любых стран (включая Россию) с учетом
существующих правовых и культурных традиций. Это потребует широкой обще-
ственной дискуссии о новых правилах взаимодействия общества и Природы, с по-
следующим внесением изменений в экологическое законодательство России в части
новых стандартов нормирования, создания ООПТ, защиты природных ландшафтов,
учета мнения коренных народов, изменения существующих подходов к экологиче-
скому воспитанию и образованию, использованию достижений экологической
цифровизации и т.д. Реализация этой сложной задачи даст человечеству возмож-
ность надеяться, что экологический апокалипсис, о котором так часто говорят эколо-
ги, все же никогда не наступит.

References / Список литературы

- Alekseeva, M.V. & Filimonova, E.A. (2024) Features of the transformation of the state in the context of the development of digital technologies. *Legal order and legal values*. (2), 14–21. (in Russian). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21> EDN: CGTGHU.
Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2. С. 14–21. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21> EDN: CGTGHU.
- Alvez-Marín, A., Castillo, R., Acuña-Molina, C. & Torres, P. (2021) Legal personhood of Latin American rivers: Time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*. 12 (2), 147–176. <https://www.doi.org/10.4337/jhre.2021.02.01>
- Benson, M.H. (2019) New Materialism: An Ontology for the Anthropocene. *Natural Resources Journal*. (59), 251–280.
- Bogolyubov, S.A. (2021) Environmental education is an important element of state policy in the field of environmental development. *Bulletin. State and law*. (3), 19–23. (in Russian). EDN: XWIXPP.
Боголюбов С.А. Экологическое образование – важный элемент государственной политики в области экологического развития // Вестник. Государство и право. 2021. № 3. С. 19–23. EDN: XWIXPP.
- Börk, K. (2018) Guest Species: Rethinking Our Approach to Biodiversity in the Anthropocene. *Utah Law Review*. (1), 169–235.
- Biber, E. (2017) Law in the Anthropocene Epoch. *Georgetown Law Journal*. (106), 1–68. EDN: YFAUST.
- Craig, R.K. & Ruhl, J.B. (2019) New Realities Require New Priorities: Rethinking Sustainable Development Goals in the Anthropocene. Available at: <https://dc.law.utah.edu/scholarship> [Accessed 10.03.2025].
- Dukes, P. (2015) *Modernization and the Anthropocene: Key dates*. In: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. *All-Russian Scientific Conference with international participation “Man in the conditions of modernization of the XVIII-XX centuries”*. Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS Publ., pp. 170–175 (in Russian). EDN: VFDUFF.
Дюкс П. Модернизация и Антропоцен: ключевые даты // Сборник научных статей Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек в условиях модернизации XVIII-XX вв.». Екатеринбург, 2015. С. 170–175. EDN: VFDUFF.
- Farah, P.D. & Giudice A.L. (2023) Climate Justice in the Anthropocene and Its Relationship with Science and Technology. *Connecticut Law Review*. (55), 1–22. <https://www.doi.org/10.4324/9781003472421-11>
- Gonzalez, C.G. (2015) Bridging the North-South Divide: International Environmental Law in the Anthropocene. *Pace Environmental Law Review*. (32), 407–434. <https://www.doi.org/10.58948/0738-6206.1765>

- Hamilton, R. (2024) Criminalizing Ecocide. *Harvard Human Rights Journal*. 38, 69–112. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4919464>
- Hunter, D. (2020) SDLP after 20: Sustainable Development in the Anthropocene. Available at: https://digitalcommons.wcl.american.edu/facsch_lawrev [Accessed 14.03.2025].
- Hornborg, A. (2019) Colonialism in the Anthropocene: The political ecology of the money-energy technology complex. *Journal of Human Rights and the Environment*. (10-1), 7–21. <https://doi.org/10.4337/jhre.2019.01.01>
- Ivanova, S.V. (2023) The purpose and effectiveness of public administration in the field of protection and use of wildlife: Legal values of administrative law. *Legal order and legal values*. 1 (1), 79–89. (in Russian). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89> EDN: BYPOXQ.
- Иванова С.В. Цель и эффективность государственного управления в области охраны и использования животного мира: правовые ценности административного права // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 79–89. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89> EDN: BYPOXQ.
- Kim, R.E. & Bosselmann K. (2013) International Environmental Law in the Anthropocene: Towards a Purposive System of Multilateral Environmental Agreements. *Transnational Environmental Law*. (2), 285–309. <https://doi.org/10.1017/S2047102513000149> EDN: SSVCHD.
- Kotze, L.J., Toit, L. & French, D. (2021) Friend or foe? International environmental law and its structural complicity in the Anthropocene's climate injustices. *Onati Socio-Legal Series*. (11-1), 180–206. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1140>
- Kunkel, S. & Matthes, M. (2020) Digital transformation and environmental sustainability in industry: Putting expectations in Asian and African policies into perspective. *Environmental Science and Policy*. (112), 318–329. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2020.06.022> EDN: VAJCNA.
- Lim, M.M.L. et al. (2018) Reframing the sustainable development goals to achieve sustainable development in the Anthropocene – a systems approach. *Ecology and Society*. (23), 1–19. <https://doi.org/10.5751/ES-10182-230322>
- MacLean, J. (2017) Autonomy in the Anthropocene? Libertarianism, Liberalism and the Legal Theory of Environmental Regulation. *Dalhousie Law Journal*. (40-1), 279–322.
- Morris, T. (2013) *Hans Jonas's Ethic of Responsibility: From Ontology to Ecology*. New York, State University of New York Press. <https://doi.org/10.1353/book27397>
- Paola, M.D. & Jamieson, D. (2018) Climate Change and the Challenges to Democracy. *University of Miami Law Review*. (72), 369–424.
- Purdy, J.S. (2016) Coming into the Anthropocene. *Harvard Law Review*. (129), 1619–1650.
- Seck, S.L. (2021) A relational analysis of enterprise obligations and carbon majors for climate justice. *Onati Socio-Legal Series*. 11 (1), 254–284. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1139> EDN: ADBMZJ.
- Semenyuk, A.S. (2015) GIS-designing ecological corridors (on the example of the Narochansky National Park). *Bulletin of the Belarusian State University. Series 2: Chemistry, Biology, Geography*. (1), 70–74. (in Russian). EDN: TQIONJ.
- Семенюк А.С. ГИС-проектирование экологических коридоров (на примере национального парка «Нарочанский» // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 2: Химия, Биология, География. 2015. № 1. С. 70–74. EDN: TQIONJ.
- Stoa, R. (2015) Droughts, Floods, and Wildfires: Paleo Perspectives on Disaster Law in the Anthropocene. *Georgetown International Environmental Law Review*. (27), 393–446.
- Vlasenko, N.A. & Novikova, R.G. (2018) Differentiation of the legal profession is an urgent task of our time. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (2), 346–348. (in Russian). EDN: OVUNQP.
- Власенко Н.А., Новикова Р.Г. Дифференциация юридической профессии – актуальная задача современности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 346–348. EDN: OVUNQP.

Wyborn, C. et al. (2021) An agenda for research and action toward diverse and just futures for life on Earth. *Conservation Biology*. 35 (4), 1086–1097. <https://doi.org/10.1111/cobi.13671> EDN: NKPNVV.

Сведения об авторах:

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID: 0000-0003-3988-2066; SPIN-код: 2307-8314

e-mail: anisimovap@mail.ru

Исакова Юлия Игоревна – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID 0000-0003-4096-4640; SPIN-code: 8275-0679

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Працко Геннадий Святославович – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права, Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID: 0000-0002-2957-5938; SPIN-код: 8256-1236

e-mail: gpip@rgups.ru

About the authors:

Aleksey P. Anisimov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID: 0000-0003-3988-2066; SPIN-code: 2307-8314

e-mail: anisimovap@mail.ru

Yulia I. Isakova – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID 0000-0003-4096-4640; SPIN-code: 8275-0679

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Gennady S. Pratsko – Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Commercial and Business Law, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID: 0000-0002-2957-5938; SPIN-code: 8256-1236

e-mail: gpip@rgups.ru